

ДРУГОЙ СНАРУЖИ И ДРУГОЙ ВНУТРИ:
ИНАКОВОСТЬ СТАРЕНИЯ И ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК
В РАБОТЕ БОВУАР *СТАРОСТЬ*¹

Линда Фишер²

Abstract

The focal point of Simone de Beauvoir's celebrated and ground-breaking investigation of women's oppression in *The Second Sex* is the development of the concept of woman as the Other. In *The Coming of Age*, her seminal study on aging and the aged, Beauvoir reprises her analysis of otherness in an extended examination of the alterity of old age, and its manifestations in the often miserable and deplorable lived situation of many elderly people. While bearing many similarities to the earlier analysis of otherness – indeed, there are numerous parallels between these two texts – the alterity of old age also has a distinctive character. Now the marginalized and abjected Other is the aged person: a person, and an Other, who I am ineluctably becoming, entailing multiple modes of otherness to myself; the Other is within, I become Other to myself. In my paper I discuss the otherness of old age in its relation to difference, embodied temporality, metamorphosis, and identity. In so doing I also analyze the roots of this alterity, and of our fear of aging, and explore whether old age is a unique or even the best exemplar of such alterity.

Keywords: *The Coming of Age*, Simone de Beauvoir, the Other, alterity, fear of aging.

Мы черпаем большую часть наших представлений о старости из мифов, неверных впечатлений и мистификации. В этой связи примечательно, что Симона де Бовуар начинает свою работу *Старость* (*La Vieillesse*, Paris: Gallimard, 1970) с притчи. Когда Сиддхартха, ставший впоследствии Буддой,

¹ Данная статья написана при поддержке Центрально-Европейского университета. Её первая версия под названием «Age/ Aging: on Simone de Beauvoir's *The Coming of Age*» была представлена на конференции Университета Вены, приуроченной к 100-летию Симоны де Бовуар, в феврале 2008 г, а также на международной конференции «Feminism and Philosophy: rethinking Simone de Beauvoir», которую проводил Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, июнь 2009). Данная версия статьи дополнена по результатам вдохновляющих дискуссий, возникших на обеих конференциях, и я хотела бы поблагодарить организаторов конференций и их участников за гостеприимство и живой интеллектуальный обмен.

² Linda Fisher – associate professor of the Department of Gender Studies, Central European University, Budapest.

был юн, он жил отшельнической жизнью, проводя много времени в уединении. Однажды, оказавшись за пределами своего дворца, он встретил старика, которого Бовуар описывает как «волочащего ноги, морщинистого, беззубого, седовласого, согбенного, бормочущего себе под нос что-то бессвязное человека, который дрожал всем телом, опираясь на клюку»³. Сиддхартха был ошеломлён этой встречей и спросил возничего своей колесницы, что такое старость.

«Ужасно, – воскликнул Сиддхартха, – что слабые и невежественные люди, опьянённые тщетой юности, не хотят замечать старости!»

После этого он пожелал вернуться во дворец, размышляя над вопросом: «К чему все удовольствия и радости жизни, если я сам – всего лишь жилище, в котором суждено поселиться старости?»⁴ Ответ на этот вопрос заключён в продолжении притчи, которую рассказывает Бовуар: Сиддхартха увидел в том старике собственную судьбу, поскольку, согласно его предназначению («он был рождён, чтобы спасти человечество»), Будда решил испытать все тяготы человеческой доли. Это отличает его от остальных людей, избегающих всего, что причиняет страдание. И, добавляет Бовуар, больше всего люди хотели бы избежать старости.

Но старости не только боятся и избегают, её делают предметом умолчания. Она представляет собой табуированное явление, к которому общество относится как к «своего рода постыдному секрету»⁵, окутанному «тайным сговором молчания»⁶. Именно это молчание Бовуар и намерена была нарушить своей работой *Старость*. По её точному замечанию, табуирование старости, прежде всего, служит помехой открытой и непредвзятой дискуссии о социальном статусе, безнадёжных и унижительных условиях жизни пожилых людей. Такое положение дел Бовуар считает постыдным, если не преступным. Пожилых людей игнорируют, объективируют, к ним относятся как к изгоям, они «приговорены к бедности, немощи, никчемности и безысходности»⁷ и едва ли признаются полноценными человеческими существами.

Бовуар неоднократно отмечает, что отношение общества к пожилым людям глубоко амбивалентно. Неоднозначны критерии их определения в качестве группы: даже хронологические границы старости различаются в разные эпохи и в разных регионах. В отличие от более чётких границ детства, подросткового периода и зрелости, внутри продолжительного взрослого периода, когда человек наделяется юридическими и политическими правами и обязанностями, демаркационных границ мало (если они вообще

³ Beauvoir S. de. *The coming of age*. Trans. P. O'Brian. New York/London: W.W. Norton, 1996. P. 1.

⁴ Beauvoir, op. cit., p. 1.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., p. 2.

⁷ Ibid.

существуют). По этой и многим другим причинам пожилых людей включают в общую категорию взрослых людей. Но, с другой стороны, как подчёркивает Бовуар, если принимать в расчёт экономическое положение людей преклонного возраста, то «оказывается, что общество причисляет их к абсолютно иному биологическому виду»⁸. Предполагается, что потребности пожилых людей отличаются от потребностей «нормальных людей» и они вполне могут довольствоваться мелкими подачками, жалкими грошами. «Мифы и клише буржуазного сознания» включают в себя стигматизацию старых людей в качестве *иных*, чуждых обществу субъектов, тех, кого можно игнорировать и предать забвению. Разделение теперь проходит между «активными» и «неактивными» слоями населения, между занятыми в производстве и неработоспособными. Экономика и, в сущности, цивилизация как таковая основаны на стремлении к выгоде и заинтересованы в рабочей силе лишь постольку, поскольку она способна приносить прибыль, а когда человеческий материал исчерпывает свою полезность, его выбраковывают и выбрасывают вон.⁹ Пожилые люди, наделённые мизерными экономическими возможностями и ограниченными правами (или вообще лишённые их), превращаются в отбросы капитализма. Экономическое и институциональное неравенство выражается в плачевных условиях жизни большинства пожилых людей, доведённых до бедности, если не нищеты, изолированных, одиноких, всеми покинутых и отчаявшихся, что вдобавок сопровождается физическими страданиями и психологическими травмами. Бовуар суммирует всё это следующим образом:

«Тот факт, что последние пятнадцать или двадцать лет своей жизни человек представляет собой не что иное, как презренную грудку металлолома, вскрывает фатальный изъян нашей цивилизации: если бы мы посмотрели на стариков как на *человеческих* созданий, проживших *человеческую* жизнь, а не как на “ходящие мощи”, очевидность этой истины потрясла бы нас до глубины души»¹⁰.

Стоит отметить, что Бовуар ссылается главным образом на ситуацию в западных индустриальных обществах, таких как Франция и Соединённые Штаты. Поэтому необходимо уточнить, что такие ужасающие условия жизни и уничижительное отношение не универсальны и в некоторых других обществах положение пожилых людей отличается в лучшую сторону. В особенности это характерно для традиционных культур, где стариков уважают, окружают заботой, оберегают и даже почитают. К тому же социальный и экономический статус и условия жизни пожилых людей во многом изменились со времени написания работы Бовуар, и в значительной мере это касается как раз Франции и США. Сегодня пожилые люди часто обладают существенными экономическими преимуще-

⁸ Beauvoir, op. cit., p. 3.

⁹ Ibid., p. 6, 543.

¹⁰ Ibid., p. 6.

ствами, которые можно использовать в бизнесе и политике, а также для организации объединений, призванных защищать права и интересы пожилых людей. Американская ассоциация пенсионеров (AARP) – как раз одна из таких организаций. Однако даже если экономическое и политическое положение пожилых людей в некоторых странах улучшается, это скорее единичные прецеденты, и, как правило, их условия жизни в лучшем случае скромны, а чаще – откровенно бедственны.

Бовуар допускает, что не все пожилые люди вынуждены влачить нищенское существование, и те из них, кто имеет определённые преимущества, оказываются в более благоприятных социальных и экономических условиях. Различия материальных условий в свою очередь определяют разницу в социальном статусе, состоянии здоровья и, в целом, в отношении к старению. Как отмечает Бовуар, «сегодня» жизнь шахтёра заканчивается в пятьдесят лет, в то время как представители привилегированных классов беззаботно доживают до восьмидесяти.¹¹ Экономический анализ ситуации, который Бовуар использует для исследования социальной инаковости пожилых людей, позволяет раскрыть и проиллюстрировать сугубо материалистический аспект экономической и социальной инаковости рабочего.

Инаковость пожилых людей, полностью отставших от жизни и выброшенных на её обочину, обособленных в отдельный подвид существ, чьи лучшие годы остались далеко позади, без труда прочитывается в контексте отчуждения рабочего, и в частности пожилого рабочего, которого выбрасывают за ненадобностью как отходы производства, как только падает производительность его труда. При дальнейшем углублении в проблему положение пожилых людей кажется более сложным явлением, чем проблема статуса пожилых рабочих, однако призыв Бовуар к изменению положения пожилых людей в большой степени основан именно на материалистическом подходе к этому феномену.

Конечно, пожилой рабочий одновременно является и пожилым человеком, и, по большому счёту, материалистический анализ может быть применён к условиям жизни любого человека преклонного возраста: уволенный по сокращению штатов или отправленный на пенсию рабочий становится отверженным мужчиной или женщиной. Но есть один важный аспект, не позволяющий сводить инаковость пожилых людей лишь к следствию их экономического статуса или работоспособности. Мифы о людях преклонного возраста включают в себя огромное число унижительных

¹¹ Beauvoir, *op. cit.*, p. 541. Можно возразить, что аргументы, которые приводит Бовуар, уже устарели и не адекватны сегодняшнему положению дел (хотя, пример с шахтёром, вероятно, всё ещё весьма актуален). И, тем не менее, современные данные красноречиво свидетельствуют о том, что наблюдения Бовуар о плачевном положении пожилых людей справедливы и сегодня, а её анализ применим и к современной ситуации.

предрассудков и стереотипов, делающих из пожилого человека вызывающее отвращение посмешище. Особенно явственно это проявляется в отношении ещё одной табуированной темы – сексуальной жизни пожилых людей. Это табу Бовуар также нарушает, подробно рассматривая сексуальность людей преклонного возраста во второй части своей книги. Бовуар отмечает, что в основании этих унижительных стереотипов лежит отношение к стрикам как к людям, в какой-то мере утратившим человеческие качества. В сущности, «общество ... готово не колеблясь отказать им даже в минимальной помощи, необходимой для поддержания человеческого существования»¹². В работе *Старость* Бовуар повторно применяет при анализе инаковости пожилых людей ту же логику, что и во время разработки революционного концепта женщины как Другого во *Втором поле*, и проводит такое же масштабное исследование. Но эти два текста объединяет не только общий аналитический подход, но и многочисленные буквальные параллели. Инаковость старости в ней предстаёт как уникальный и комплексный феномен.

Анализ, о котором шла речь ранее, как любой другой сложно-структурированный причинно-следственный анализ, вынуждает поставить вопрос о генеративном истоке логической цепи: пожилые люди конституируются как Другие ввиду своего социально-экономического положения, или они подчинены данным социально-экономическим условиям потому, что часто уже являются Другими? Безусловно, этот вопрос также связан с проблемой реального истока инаковости пожилых людей. Вслед за уже известным нам материалистическим подходом к этой проблеме появился подход, основанный на анализе мифов, клише и социальных предрассудков. В действительности, ни одну из этих гипотез невозможно принять по отдельности, но, дополняя друг друга, они образуют целое, представляющее собой часть более сложной сети концепций и подходов к проблемам старения и пожилых людей.

В развитых индустриальных обществах престарелые люди маргинализируются и наделяются статусом Другого, как только они дают повод усомниться в своей социальной полезности. Их больше не рассматривают в качестве членов активного (т. е. производящего) сообщества, и в зависимости от того, насколько общество чтит добродетель созидания, вытесняют из отдельных коллективов и из социума в целом. Инаковость пожилых людей упрочивают неотъемлемые элементы статуса изгоя: депривация, социальные, экономические, физические трудности, которые они вынуждены испытывать ежедневно. И опять же, здесь речь должна идти о каких-то иных, ещё более глубоких причинах конструирования инаковости пожилых людей, лежащих по ту сторону экономического статуса. Даже в случаях, когда престарелый человек финансово благополучен и продолжает работать, во многих отношениях он всё равно

¹² Beauvoir, op. cit., p. 4.

воспринимается как отличающийся от других, обособленный субъект, может быть, ещё не утративший человеческий облик, но уже не являющийся членом сообщества зрелых людей. Таким образом, стереотипы и предрассудки о пожилых людях не поддаются исчерпывающему истолкованию в терминах работоспособности, производительности или экономического статуса. В таком случае, что же является ещё более фундаментальным источником их униженного положения, инаковости?

Условием конституирования Другого является реальное или предполагаемое наличие различий, которые, собственно, и составляют и оправдывают основу конструируемой инаковости. С этим тесно связана глубинная тревога по отношению ко всему отличающемуся (и всему, что эти отличия продуцирует); а может быть, и нечто более фундаментальное – тревога в отношении различия как такового. Как правило, само наличие или ощущение различия, независимо от того, в чём это различие, собственно, заключается и что оно влечёт, является достаточным условием для того, чтобы спровоцировать страх, подозрение или ненависть, трансформирующие это различие в инаковость, а инаковость, в свою очередь, преобразующие в уничижение. И основной удар приходится именно на пожилых людей, хотя речь тут идёт скорее не о конкретных людях, а о старости как таковой. Как отмечает Бовуар, в то время как некоторые люди примиряются со старостью, а кто-то даже чувствует себя довольно комфортно в этом состоянии, для большинства перспектива старения связана с чувствами ужаса и отвращения. Поэтому в *Старости* и некоторых других работах Бовуар отзывается о стремлении всеми силами избежать проблемы старости негативно, если не сказать, гневно.¹³ Но нежелание людей мириться с перспективой встретить закат жизни в бедности, одиночестве и тоске, даже если их тревога обоснована, не является исчерпывающим объяснением столь ярко выраженного негативного отношения к старости.

Возможно, люди боятся старости, поскольку она представляет собой своего рода «начало конца»: «третий акт жизни», приближение неминуемой смерти. Но ведь человек не просто смертен, а случайно смертен: унести жизнь могут и болезни, и несчастные случаи. Но, в отличие от опасных для жизни болезней, смерть действительно неотвратима лишь в старости. Независимо от того, насколько человек благополучен или здоров, он не может жить вечно. В конце концов, все мы смертны.

Итак, за страхом старения и старости скрывается страх смерти? Бовуар подвергает сомнению это утверждение, замечая, что к старости люди испытывают даже большую неприязнь, чем к смерти.¹⁴ Бесспорно, многие люди, испытывают сильнейшее отвращение к

¹³ Бовуар критически высказывается об этой тенденции в работе *Старость*, а также в многочисленных интервью.

¹⁴ Beauvoir, op. cit., p. 593

старости, но пересиливает ли оно страх смерти?¹⁵ Безусловно, наше отношение к старости и смерти в значительной степени зависит от нашего возраста и состояния здоровья: в двадцать лет кто-то может больше бояться старости, чем смерти, в то время как для человека восьмидесяти лет скорее будет справедливо обратное, и Бовуар это допускает. И, тем не менее, старость вызывает у людей отвращение, вследствие чего они пытаются тем или иным способом её избежать, держаться от неё подальше, минимизировать её эффекты, приглушить или замаскировать, одним словом, её отвергнуть. Таким образом, нетолерантность в отношении пожилых людей является лишь верхушкой айсберга отторжения старости как таковой. И, проделав логический круг, мы возвращаемся к тезису о том, что неприятие старости чаще всего приводит к конструированию пожилого человека или самой старости как Другого.

Существует, однако, и обратная сторона медали. Бовуар утверждает:

«Любая ситуация в жизни человека может быть рассмотрена снаружи – с позиции стороннего наблюдателя, и изнутри, в той мере, в какой субъект способен и поместить себя в контекст ситуации, и выйти за её пределы».¹⁶

Иными словами, пожилые люди и феномен старения могут стать объектами внешнего – естественнонаучного, медицинского, социологического, психологического и т. д. – исследования, с точки зрения того, кто сам пока не достиг преклонного возраста. В то же время пожилые люди являются субъектами, обладающими непосредственным, внутренне переживаемым опытом и собственным пониманием старения. Таким образом, это явление может быть изучено и изнутри, с точки зрения жизненного опыта субъекта в отношении старения и старости, с позиций феноменологии индивидуального восприятия времени, собственной смертности, телесных (и, возможно, психических) изменений, трансформирующихся ролей и идентичностей, осознания своего места в обществе. Эти две точки зрения, внешняя и внутренняя, отражены в двух разделах *Старости*. Важным достижением Бовуар в этой работе является сочетание теоретического и социально-антропологического исследования феноменологии опыта старости и старения.¹⁷

Наши жизненные обстоятельства обусловлены общим контекстом человеческого существования, однако они также существенно различны для каждого отдельного индивида, поскольку впитаны, прожиты субъектом, пропущены через себя. Как таковые,

¹⁵ Зачастую кажется, что саму Бовуар старость страшила больше, чем смерть.

¹⁶ Beauvoir, op. cit., p. 10

¹⁷ Некоторые источники по этой теме указаны в краткой библиографии в конце данной статьи.

с экзистенциально-феноменологической точки зрения, любые обстоятельства подвержены центростремительной силе и образуют внутри индивида плотный клубок, который буквально оболочивает субъективность. Следовательно, поскольку человеческое существование всегда дано нам уже в индивидуализированной субъектом форме, необходимо исследовать именно это измерение человеческого опыта. В этом смысле субъективный подход «изнутри» получает определённые преимущества или даже приоритет в диалектике внешнего и внутреннего (при условии, что каждый из подходов дополняет и уточняет другой).

В этом центростремительном движении наблюдается определённое искажение, вскрывающее ещё одно измерение феномена, о котором говорилось в приведённой выше цитате. Поскольку любое явление может быть рассмотрено извне и изнутри, в некоторых случаях эти две позиции могут сосуществовать в одном субъекте, могут оказаться в чём-то смежными, совпадать или образовывать единое целое, а могут, как мы видим на примере феномена старения, противоречить друг другу. Поскольку позиция стороннего наблюдателя с необходимостью должна конституировать пожилого человека как Другого, то в случае, когда старость рассматривается исходя из внутреннего субъективного опыта старения, инаковость пожилых людей неминуемо продуцируется и изнутри. Это и есть, как отмечает Бовуар, причина остракизма в отношении старости, который мы, старея, обращаем против самих себя. Пожилые люди – это не просто «кто-то другой», или «некие другие», а мы сами. Каждый из нас потенциально или реально является пожилым человеком, или, точнее, поскольку каждый из нас станет стариком или старухой, мы уже являемся ими, заключая в себе эту неизбежность в латентной форме. И, таким образом, престарелый Другой – это я сам, Другой внутри меня, Я сам – Другой.

Суровая правда состоит в том, что для старения не существует границ, оно не делает различий между представителями разных социальных групп и не знает исключений, являясь фундаментальным элементом экзистенциального опыта, разделяемого всеми людьми, элементом, специфицирующимся и индивидуализирующимся в каждом из нас. Все мы неотвратимо стареем, захваченные в заложники брэнностью наших собственных тел. В конце концов, по тем или иным причинам мы можем и не достичь старости – к тому же в разных культурах возраст старости определяется по-разному, – и тем не менее, каждый из нас уже в какой-то мере является стариком (что хорошо понимал Будда), поскольку уже сейчас мы представляем собой оплот грядущей старости. Иными словами, даже до того, как мы фактически постареем, мы уже старики и старухи, в нашем бытии-к-смерти мы постоянно постепенно умираем. Ещё не будучи старыми, мы уже становимся резервуаром для инаковости в отношении к старости, мы уже являемся Другими для нас самих.

Процесс старения, следовательно, является процессом конституирования инаковости и самоотчуждения, и горькая ирония

состоит в том, что, относясь к пожилым людям как к Другим, мы отчуждаемся от самих себя. Или ощущение наличия инаковости внутри нас заставляет проецировать инаковость на других людей? С одной стороны, имеет место интернализация, обращение на самих себя той инаковости, которую мы спроецировали на других людей. Осознавая, что я являюсь будущим пристанищем старости, которая определяет моё отношение к другим людям как к Другим, я прихожу к выводу, что именно я являюсь тем стариком, к которому я выстраивал отношения инаковости, – я узнаю Другого в самом себе и осознаю, что я сам – Другой. С другой стороны, я распознаю инаковость внутри себя и, в попытке подавить или изгнать её из себя, переадресовываю её Другому (человеку), как если бы он мог нести бремя этой инаковости за меня. В этой специфической диалектике ни одна из разнонаправленных тенденций не дана отдельно и существует лишь в тесном переплетении с другой.

Характерно, что ощущение инаковости в отношении себя и внутри себя амбивалентно и проблематично. Бовуар, похоже, не всегда признаёт способность человека ощущать инаковость как нечто внутреннее, утверждая, что мы отказываемся отождествлять с собой того пожилого человека, которым мы должны стать. Этот отказ, представляющий собой часть нашей уклончивой стратегии, похоже, находится в мёртвой зоне видимости и одновременно связан и с нежеланием, и с неспособностью замечать старение. С одной стороны, в приходе старости есть некий эффект сюрприза, как будто она свалилась на нас как снег на голову и в принципе была непредвиденна. Бовуар рассказывает о том, как она не поверила своим глазам, взглянув в зеркало и осознав, что она уже больше не молода, и о своём шоке, пережитом во время встречи со знакомой, изрядно постаревшей за время, пока они не виделись. Она цитирует слова Пруста:

«Среди всего, с чем мы вынуждены смириться как с непреложной данностью, старость представляет собой явление, о котором мы как можно дольше хотели бы думать как о некой абстракции»¹⁸.

Это слепое пятно, эпистемологический сбой, почти наивность дают о себе знать лишь тогда, когда приходит время превратить абстракцию в конкретное понятие, особенно когда речь идёт о нашем собственном старении. И в то же время, признавая существование старых людей и осознавая, что старение – неизбежная часть человеческого существования, каждый из нас мыслит себя как уникального субъекта: мы поражаемся, когда судьба, уготованная всем, настигает нас самих.

«Тот факт, что течение универсального времени может привести к частным, глубоко личным метаморфозам, захватывает нас врасплох и ошеломляет».¹⁹

¹⁸ Beauvoir, op. cit., p. 4.

¹⁹ Ibid., p. 283.

Напомню, что исключение составляет, пожалуй, только Будда, оказавшийся способным помыслить самого себя как оплот грядущей старости и таким образом принять на себя бремя человеческого существования. Мы, как правило, функционируем в состоянии экзистенциальной шизофрении, поскольку в какой-то мере осознаём наши перспективы, но одновременно продолжаем их отвергать. Тот факт, что многие люди тратят уйму времени, сил и денег на отрицание реальности старения и старости, хотя все мы отлично знаем, что она неотвратима (и, более того, она неотвратима и для нас самих), объясняет агрессивную защитную реакцию на работы Бовуар, посвящённые старости и старению. Бовуар также упоминает всем давно известные тактики уклонения от проблемы старения, например стандартное самозакливание, гласящее, что пока ты чувствуешь себя молодым, ты таковым и являешься, а также отрицание существования старости как таковой. Но, конечно же, основным действующим механизмом этого ложного сознания является лежащее в его основе неприятие, вкупе с притворством выдающее себя за факт или реальное положение дел. Знания и представления могут казаться весьма убедительными, в особенности в случае, если самообман работает на полную катушку, потому Бовуар настаивает на том, что мы должны перестать лгать самим себе. Нам необходимо принять себя как старых людей не только для того, чтобы отказаться от иллюзий, но и с целью достижения критической социальной цели: отказываясь «влачить жалкое существование на закате своей жизни», мы уже не сможем оставаться равнодушными к проблемам пожилых людей.²⁰

Существует ещё один сценарий восприятия старения, который я описала бы как промежуточный между иллюзорным видением и слепотой. Он связан с гегелевской формулировкой, используемой Бовуар: постоянство моего самосознания формируется признанием, которое я получаю от других людей. Определяя это как «совокупную истину старости», Бовуар утверждает:

«Для стороннего наблюдателя существует диалектическое соотношение между моим бытием в его объективном восприятии меня и моим осознанием самой себя, которое я получаю посредством его»²¹.

В таком случае этому конститутивному определению, приходящему извне (характеристика встречи в гегелевской системе сознания и самосознания), поддержку оказывает старость как таковая. Мы сами часто оказываемся не в состоянии принять истину собственного старения, «личный внутренний опыт не подсказывает нам точный возраст, некие новые ощущения не приходят внезапно, чтобы указать нам, как же мы постарели»²². Проблема состоит не только в том, что некое слепое пятно создаёт помеху нашему видению, а наше нежелание принимать правду продуцирует иллюзии.

²⁰ Beauvoir, op. cit., p. 5.

²¹ Ibid., p. 284

²² Ibid.

Здесь можно говорить о некоей сущностной невозможности осознания собственного старения, которое ускользает от нас, оставаясь очевидным для окружающих.

Это и отличает старение от болезни, утверждает Бовуар. В то время как чаще всего «болезнь сама даёт о себе знать»²³ и потому её приход обычно более очевиден для самого индивида, чем для его близких, старость, напротив, более заметна окружающим, чем индивиду. Поэтому самоидентификация из внешней позиции связана не только с навязыванием субъекту определённого статуса, исток которого заключён в различных властных отношениях, правомерность которых мог бы оспорить критический анализ. В терминах феноменологического подхода, прочерчиваемого Бовуар, знание, которое я могу получить от других в качестве значимого дополнения к тому, что подсказывает мой внутренний опыт, способно корректировать какие-то лакуны в этом знании. То есть только лишь внутренний опыт не способен представить нам полную картину, и поэтому взаимодействие с окружающими, дополняющее этот опыт, совершенно необходимо. Следуя такой социополитической критике, утверждающей, что асимметричные и гегемонные властные структуры всегда опосредуют, формируют и искажают межличностные общение и взаимодействие, можно прийти к интересному примеру феноменологической модели интерсубъективной эпистемологии, в которой диалектика позиций знания – внешней и внутренней, и снаружи, и изнутри – производит такого рода поле видения, которое необязательно является редуцированным или искажённым властными структурами.²⁴ Бовуар добавляет, что, кроме всего прочего, старение всегда затрагивает тело, но даже собственное тело не всегда помогает нам осознать изнутри наше состояние²⁵; возможно, внешние следы старения минимальны, и мы относительно здоровы или просто адаптируемся, компенсируя возникающие проблемы или дискомфорт. Как отмечает Бовуар,

«старость представляет собой нечто по ту сторону моей жизни, вне её – что-то, что не дано мне в моём совокупном внутреннем опыте»²⁶.

В этом и заключается третья причина ускользания от нас того Другого, которым мы являемся для нас самих, провал, не связанный ни с изворотливостью ложного сознания, ни с наивной избирательной слепотой, а скорее – с неизбежной ограниченностью поля

²³ Beauvoir, *op. cit.*, p. 284.

²⁴ Даже если мы допустим, что каждая интеракция основана на отношениях власти и эти отношения часто (или всегда) связаны с неравенством и асимметрией, из этого не обязательно следует, что интеракция с необходимостью становится искажённой или однобокой. Подобного рода аргументы могут быть выдвинуты как с феноменологической, так и с социополитической позиции, и, к сожалению, я не имею возможности развивать эту тему более подробно.

²⁵ Beauvoir, *op. cit.*, p. 285.

²⁶ *Ibid.*, p. 291.

зрения самого человека. Бовуар рассказывает историю об одной женщине [из дома престарелых], которая призналась в интервью:

«Я совсем не чувствую себя старой. Иногда я помогаю пожилым женщинам, и однажды я подумала: “Ведь ты тоже, ты сама старуха” (*Mais toi aussi, tu es une mémé*)»²⁷.

Бовуар замечает, что, сталкиваясь лицом к лицу с другими людьми преклонного возраста, эта женщина воспринимала саму себя как неподверженную старению, не похожую на них.

«Примечательно, что в момент осознания, она говорила сама с собой, обращаясь к себе на “ты”: этим “ты” был Другой внутри её, она обращалась к Другому, который (кроме всего прочего) всё же существовал внутри её, но о котором она не обладала никаким непосредственным знанием».²⁸

Но, как мы уже убедились, несмотря на то что наше неведение о Другом внутри нас может быть непреднамеренным, даже когда мы лицом к лицу сталкиваемся с этим знанием, мы всё равно сопротивляемся ему, отказываемся в это верить.

В завершение я хотела бы вкратце рассмотреть проблему сопротивления и отвержения старости в связи с некоторыми смежными явлениями, обращение к которым даёт нам ключ к пониманию нашего страха старения: телесной темпоральностью, идентичностью и физическими метаморфозами. Каждая из этих проблем связана с последующей, и прощупывая эти взаимосвязи, возможно, мы сможем приблизиться к обнажению наиболее тревожащих нас аспектов старости.

Старение представляет собой телесное воплощение темпоральности, в двух смыслах «отелесненное время»: время, «схваченное», запечатлённое, отлитое в определённую форму, олицетворённое и, как наше воплощение, данное не в статике, а как процесс, разворачивающийся во времени. Но проблема состоит не в самом этом телесном воплощении времени, ведь жизненный опыт в целом темпорален, и вряд ли хронология как таковая и факт нахождения в определённом возрасте сами по себе не являются проблемой. Речь идёт о чём-то большем: темпоральность оставляет явственный и неизгладимый след в нашем облике. Незаметность, с которой разворачивается процесс запечатления времени в теле, его неуловимость связаны с развитием и изменением. Эти следы времени принимают форму континуального становления Другим, бесконечной метаморфозы. И, как отмечает Бовуар, метаморфоза всегда несёт в себе нечто пугающее²⁹, что-то, что влечёт шоковый эффект транс-

²⁷ Beauvoir, op. cit., p. 294.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., p. 5.

формации, не оставляющий камня на камне от иллюзии, что существование моего Я стабильно, гармонично и непрерывно во времени. Не все телесные метаморфозы носят негативный характер: например, наш рост в детстве или изменения, связанные с беременностью. Но, как отмечает Бовуар, такое становление Другим носит характер единичного события и ведёт к некой высшей точке нашей жизни, в то время как после прохождения этого пика все изменения имеют уже совсем иной характер.

И хотя саму кульминационную точку трудно определить однозначно, считается, что за ней сразу же следует спад. Метаморфозы, имеющие место после пика, уже не являются нейтральными изменениями или изменениями во благо, но чаще всего рассматриваются в качестве изменений к худшему. Как таковая, проблема старости связана уже не с изменениями самими по себе, а с убылью, упадком и деградацией.

Временной аспект опыта и метаморфозы, которые он несёт, угрожают нашей идентичности, а часто вообще ставят её под вопрос. Причина не только в том, что моё ощущение самости дестабилизируется, а понятие о непрерывности Я и его цельности оказывается подорванным, но и в том факте, что неминуемые метаморфозы трансформируют меня в нечто гораздо худшее, чем то, чем я являлся ранее. Моя «прошлая идентичность» и образ самого себя рассыпаются в прах, в той мере, в какой не просто я больше не явлюсь тем, чем я был, но в моём сознании я уже не так хорош, как раньше. Итак, Бовуар задаёт вопрос: «Могу ли я стать другим существом, оставаясь при этом собой?»³⁰ И ответ, как мы видим, заключается в том, что в действительности я теперь думаю о самом себе как о ком-то другом, как о другом или ещё одном себе: не просто не о таком, каким я был раньше, но и не о том, кем я был раньше. Но это «моё Я», к которому взывает Бовуар, не является просто иллюзией или фантазией о стабильной и неизменной субъектности. Несмотря на то что Бовуар подчёркивает непрерывность изменения телесности и идентичности и настаивает на экзистенциальном императиве необходимости признания этих изменений, в её анализе присутствует понятие о некоем существующем по умолчанию «моём Я». И это изначальное «моё Я» является более молодым, более привлекательным, здоровым, более способным Я – одним словом, феноменологическое «Я могу» в наиболее широком смысле оказывается противопоставленным «Я не могу» старости. В своей книге Бовуар не только анализирует и подтверждает примерами, но и оплакивает стереотипное отношение к старости как к упадку. Однако очевидно, что тот факт, что даже сама Бовуар постулирует «более молодое Я» в качестве «Я», существующего по умолчанию, свидетельствует о наличии ещё одного измерения отвержения старения, конструирования инаковости.

³⁰ Beauvoir, op. cit., p. 283.

Бовуар утверждает, что «старость пугает нас тем, что отклонение от нормы в старости становится нормой»³¹, и приводит в качестве иллюстрации следующее высказывание:

«Что нормально для старого человека, применительно к тому же человеку в его молодые годы было бы расценено как дефект»³².

Такой медицинский подход, считающий здоровье исходным состоянием, которое в старости сменяется «ставшим нормой ненормальным состоянием», конструирует первоначальное состояние в качестве нормативного, усугубляет понятие о существующем по умолчанию «молодом Я», обладающем превосходным здоровьем, дееспособным телом и здравым умом. Такой позиции созвучна идея о том, что смерть – перспектива менее пугающая, чем старость, поскольку, когда смерть наступает – нас уже нет, в то время как когда наступает старость, нас становится меньше. В этом смысле меньше – хуже, чем ничего, а полное исчезновение предпочтительнее исчезновения в нас того, кем мы были ранее. В этой связи Бовуар пишет:

«Стоило бы противопоставлять жизни не смерть, а старость. Старость – пародия на жизнь»³³.

Восприятие старости как чего-то противоположного жизни, как пародии на неё, связано с представлением о «жизни» как молодости, силе, красоте, здоровье и полном спектре возможностей. Жестокая пародия, противопоставляющая себя этому молодому Я, проявляется в деградации моего Я. (Примечательно, что Бовуар называет старость «пародией на жизнь», несмотря на то что старение является неизбежным этапом жизненного пути человека.) Не является ли понятие упадка, к которому Бовуар обращается в *Старости*, общим знаменателем всего того, что пугает нас в старости? Возможно, именно физическая немощь, которую мы чаще всего ассоциируем со старостью, лежит в основе всех других проявлений близящегося конца жизни, связанных со старением?

Телесное угасание, упадок *нашего* тела, тело, которое предаёт нас, тело, которое теперь *не может*. Вот в чём состоит реальность старения. Однако, углубляясь в проблему, мы столкнёмся с вопросом: если суть состоит в физическом бессилии, сопровождающем старение, почему именно старость воспринимается как единственная или основная его причина?

Если страх перед немощью является краеугольным камнем нашего трепета и отвращения перед старостью, то, отвергая физически недееспособного человека, мы в действительности отвергаем человека, находящегося в упадке своих жизненных сил, а не столько старого человека как такового. Таким образом, возможно,

³¹ Beauvoir, op. cit., p. 285.

³² Ibid., p. 286.

³³ Ibid., p. 593.

страшащий меня внутренний Другой является, на более глубинном уровне, моим потенциальным обессилвшимся Я, а не моим латентным будущим состарившимся Я. В глубине проблемы лежит именно немощь, именно она составляет основание для конструирования инаковости, в то время как всё то, к чему мы относимся как к иному в нас самих и в окружающих – эффекты, символы и репрезентанты стрости, – представляют собой лишь ответвления от этого общего корня. Совершенно определённно, что не только пожилые люди подвержены тяжким недугам и, вероятно, не они являются самыми несчастными «жертвами» подобного жизненного сценария. Ведь серьёзная болезнь, поражающая человека молодого, продуцирует большую инаковость, чем если бы дело касалось человека преклонного возраста. Это возвращает нас к цитате, приведённой выше: «Что нормально для старого человека, применительно к тому же человеку в его молодые годы было бы расценено как дефект».

Если дух упадка и неполноценности приводит к конструированию «нормальности отклонения» в случае людей пожилых, то применительно к людям молодым речь должна идти о ненормальности как таковой? Если воспринимать молодость, телесное и умственное здоровье как некую установленную по умолчанию и нормативную данность, то состояние человека преклонных лет, безусловно, аномально, но с учётом возраста его всё же можно считать нормальным. Когда речь идёт о человеке молодом, ничего нормального в подобной ситуации быть не может, и следовательно, он является ещё более ненормальным, чем человек пожилой. Кроме того, считается, что по достижении определённого возраста начинается постепенный закат жизни, являющейся продолжением предшествовавшего, более длительного жизненного этапа, который хотя и не лишён проблем и ограничений, всё же был несравнимо лучше угасания сил в старости. Возможно, не совсем справедливо говорить о пожилых людях как людях, достигших зенита жизни или её финала. Однако в каком-то смысле немощь, настигающая в преклонном возрасте, замыкает своего рода жизненную траекторию человека, очерчивает контур его судьбы, чего нельзя сказать о тех, кого тяжкие недуги поражают в молодом возрасте.

Серьёзное ухудшение здоровья, не имеющее возрастных предпосылок и связанное с замедленным развитием, телесным истощением или физической неполноценностью, также может вызвать отторжение со стороны окружающих. Но в отличие от неприятия пожилых людей, связанного с ощущением бесполезности и избыточности их существования и выражающегося в безразличии и пренебрежении, это отторжение может принять форму активных проявлений нетерпимости. Здесь также имеют место утилитарный аспект и сомнения в адекватности людей с физическими недостатками, из-за чего им приходится доказывать свою вменяемость и дееспособность. Но в то время как люди пожилые часто также вынуждены убеждать окружающих в том, что они всё ещё способны

приносить пользу и находятся в здравом уме и трезвой памяти, тяжелобольной, физически неполноценный или человек с определёнными физическими недостатками вынужден отстаивать даже своё право на доказательство своей нормальности. Если общество всё же склонно считать людей в преклонном возрасте в какой-то мере адекватными, оно далеко не всегда признаёт способность поражённых каким-либо недугом людей приносить пользу. Кроме того, существует предрассудок, не распространяющийся на пожилых: физически неполноценных людей часто считают странными до нелепости, что окружает их ещё более тесным кольцом нетерпимости. Во многих смыслах их инаковость конституирует гораздо более глубокий уровень дегуманизации и маргинализации, чем инаковость людей преклонного возраста.

И тем не менее, отвержение старости, несомненно, является уникальным примером отношения к инаковости. Со старостью дело обстоит иначе, чем в случаях, когда сконструированный Другой воспринимается как некая определённая и отдельная инстанция, вынесенная вовне доминирующей группы. Мы неизбежно в конце концов присоединимся к подмножеству пожилых людей, сами станем собственным Другим. Кроме того, часто, если не всегда, процедура производства инаковости включает приписывание определённой группе неполноценности, меньшей значимости, а иногда даже статуса людей второго сорта. Страх перед различием, репрезентируемым конкретной группой, может стать основой психологической мотивации тех или иных действий. И в то же время он необходим с политической, социальной и даже нравственной точек зрения, так как может послужить средством саморегуляции сообщества в процессах, обусловленных сложной манипулятивной логикой уравнивания и рационализации. По общему мнению, старость изначально подразумевает физическую неполноценность, что отражается в социальных и культурных предрассудках касательно пожилых людей. Вменённый им статус инаковых, недолудей даже не нуждается в искусственном конструировании. Изначальное присутствие внутри нас самих делает старость самой квинтэссенцией инаковости.

Инаковость старения и пожилых людей – сложный, интересный и важный аспект жизненного опыта и процесса конструирования Другого. Всесторонний и тщательный анализ этого феномена, проведённый Симоной де Бовуар в работе *Старость*, остаётся существенным и даже революционным вкладом в феноменологию старости и старения. Наши познания о жизни пожилых людей значительно расширились, возрастает и нравственная восприимчивость к их проблемам. Социальная группа, которую ранее игнорировали, а также все ужасные предубеждения и социальная несправедливость, проявляющаяся в отношении пожилых людей, сегодня оказываются в фокусе внимания. Отрадно, что на первый план также выходят проблемы и других маргинализированных, лишённых прав и отверженных групп: от представителей различных

этнических меньшинств до адептов религиозных культов и людей с особенностями физического развития, которые уже долгое время страдают от дискриминации и социальной несправедливости.

Библиография

- Beauvoir S. *The coming of age*. New York/London: W.W. Norton; originally published *La Vieillesse*, Paris: Éditions Gallimard, 1970.
- Fisher L. Phänomenologie und feminismus // S. Stoller, H. Vetter (eds.) *Phänomenologie und Geschlechterdifferenz*. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1997. S. 20–46.
- Fisher L. Sexual difference, phenomenology, and alterity // *Philosophy Today*. 1999. Vol. 43. S. 68–75.
- Fisher L. Phenomenology and feminism: Perspectives on their relation // L. Fisher, L. Embree (eds.) *Feminist Phenomenology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 17–38.
- Fisher L. *La phénoménologie féministe de Beauvoir*. In *Cinquantenaire du Deuxième sexe*; ed. C. Delphy, S. Chaperon. Paris: Éditions Syllepse, 2002. P. 130–138.
- Fisher L. Feminist phenomenological voices // *Continental Philosophy Review*. 2010. Vol. 43, № 1. P. 83–95.
- Fisher L., Embree L. (eds.) *Feminist Phenomenology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.
- Stoller S., Vetter H. (eds.) *Phänomenologie und Geschlechterdifferenz*. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1997.
- Stoller S., Vasterling V., Fisher L. (eds.) *Feministische Phänomenologie und Hermeneutik*. Würzburg: Königshausen & Neuman, 2005.

Перевод Лидии Михеевой